

КАРИКАТУРА во все времена была показателем популярности человека, которому посвящалась. Не мог жаловаться на невнимания сатирической графики и Лев Николаевич Толстой. Но буквально шквал шаржей обрушился на писателя в год его восьмидесятилетия. Сатирически комментировались все перипетии этого события, начиная с пригласительных различных организаций к чествованию. Одна из первых в этой серии — карикатура анонимного художника «Юмористического альманаха» «Лилипуты зашевелились. Они собираются чествовать великана». Толстой изображен гигантом, у ног которого копошится различная мелкота. Писатель, как обычно в шаржах начала века, — бо-сой, в длинной с поясом рубахе. Карикатуристы с удовольствием пародировали — и художник «Альманаха» не был исключением — известный фотопортрет писателя 1892 года, где он в подпоясанной толстовке, с рукой, засунутой за пояс.

Схожа по теме и карикатура А. А. Радакова «Гений и толпа», опубликованная в «Стрекозе». Здесь Толстой столь велик, что ногами (босыми, конечно) стоит на земле, а головой вознесся над облаками, где пребывают уже Сократ, Платон, Конфуций и другие философы. Между гением и толпой происходит диалог:

«Толпа: — Великий! Спаси нас, научи, как жить!!!
Толстой: — Научить?.. Чему учить-то? Созерцайте вечное солнце, да с великими людьми побольше беседуйте...
Толпа: — Где он видит солнце? Кругом — тьма. Где великие люди? Кругом одни пошляки и пигмеи...»

Правительство тоже «готовилось» к юбилею и предприняло ряд мер, направленных против юбилея. 18 марта по распоряжению министра внутренних дел Столыпина губернаторам, градоначальникам, начальникам жандармских управлений и охранных отделений был разослан тайный циркуляр, в котором предписывалось следить на вверенных им территориях за тем, чтобы чествование «не сопровождалось нарушениями существующих законов и распоряжений, правительственной власти» и чтобы «не допускалось никаких демонстративных речей, действий и манифестаций». Это была типичнейшая полицейская шифровка, требующая от властей мер еще более строгих.

И в юбилейные дни во многих городах полиция была приведена в боевую готовность. По улицам разъезжали военные патрули. Преследовались даже те, кто подписывал юбилейные адреса. «Сатирикон» напечатал карикатуру — возможно, принадлежащую Ре-ми — «Торжественное празднование юбилея в провинции», на которой жандарм таскал за ухо гимназиста лишь потому, что у того оказалась коробка конфет, на крышке которой предприимчивый кондитер поместил портрет Толстого: «Это что?! — орал полицейский на гимназиста. — Праздновать юбилей? Вот я тебя!»

По инициативе Стаховича был создан Комитет почина, в который, помимо него, вошли М. М. Ковалевский, В. Г. Кораленко, И. Е. Репин и другие. Стахович был командирован за границу для установления контактов с

иностранными комитетами. В Париже существовал комитет, в котором участвовали А. Франс и Ж. Жорес, в Лондоне — Р. Киплинг и Э. Моод, Берлинский комитет возглавил Г. Гауптман. Предполагалось превратить юбилей в грандиознейшее торжество с приветствиями иностранных делегаций в Ясную Поляну.

А государственные деятели делали вид, будто вообще ничего не происходит. На карикатуре в журнале «Серый волк» — «К юбилею графа А. Н. Толстого» малюсенький Пуришкевич, член Государственной думы, пе-

зеты, передал в Московский комитет по организации чествования. 2 апреля письмо было зачитано, и комитет постановил свою деятельность прекратить.

В июле Толстой напечатал статью «Не могу молчать», в которой ратовал за отмену смертной казни. Статья Толстого вызвала новую волну ненависти к нему реакционеров, кульминацией стало опубликованное в «Братском листке» (24 августа) обращение епископа Термогена «по поводу нраззвенно беззаконной затеи на которой части общества... торжествовать юбилейный день анафематствованного безбожника и анархиста революционера Льва Толстого», перепечатанное

художника, славного и неутомимого искателя истины», — писали рабочие Балтийского завода. «Шлем привет неустанному работнику мысли, художнику слова, защитнику угнетенных пролетариев, силой великого таланта борющегося с властью тьмы. Петербургские рабочие фабрики Мельцер».

На обложке «Шута», подписанной М. Михайловым, художник представил обе стороны. Но «власть тьмы», как всегда, активна, она забрасывает памятник Толстому камнями, старается сдернуть его с пьедестала; а добро — интеллигенция (до трудящегося люда-художник «не опустился») — лишь приветствует писателя венками и речами.

И чем ближе становился день юбилея, тем сильнее травили Толстого. Цензура строжайше подавляла малейшие «восхваления» писателя — «врага православной церкви и существующего в империи государственного строя», повременные издания подвергались штрафам даже за «умеренные» характеристики его творчества. И тем не менее пресса достойно отметила юбилей гения русской литературы. А все юмористические журналы — без исключения! — выпустили номера, целиком посвященные ему.

Наиболее интересны петербургская «Стрекоза» и московский «Будильник».

Еще в июле в Ясную Поляну заявили фотографии — знаменитый Булла с сыном и два дня — 7-го и 8-го — непрерывно снимали Толстого. На вопрос гостя, не устал ли он от всего этого, Толстой ответил, что не устал, — хотя чувствовал себя скверно, — а ему «просто стыдно на старости лет такими глупостями заниматься». Ре-ми в карикатуре «На лоне природы» спародировал знаменитую картину И. Репина «Толстой на пашне» и нарисовал пашущего Толстого в окружении доброго десятка фотографов, репортеров во главе с известным в ту пору журналистом Брешко-Брешковским и самого Репина, пишущего сразу три картины.

«Будильник» предложил читателям ретроспекцию сатирической «Толстовианы» — «Гр. А. Н. Толстой в карикатурах» с шаржем Олафа Гильбрансона.

Конечно, журнал не мог вместить и сотой доли существующего, но отбор произведен со вкусом и знанием истории дела. Ретроспекция открывается самым первым изображением Толстого в сатирической графике — карикатурой Н. Степанова (1857) и завершается перепечаткой из «Серого волка», которую я уже приводил (Толстой и Пуришкевич).

Любопытны в этой ретроспекции и две перепечатки из западных сатирических журналов, подтверждающие всемирное признание великого русского писателя. Одна из них — «Мода на русское во Франции», взятая из парижского журнала «Карикатура», — выполнена после постановки в столице Франции «Власти тьмы» в 1888 году, к шестидесятилетию Толстого. Другая — «Проповедник в пустыне. Толстой проповедует милосердие» художника Шульца — заимствована из знаменитого сатирического немецкого журнала «Симплициссимус».

Так карикатуристы отметили восьмидесятилетие Толстого.

Евгений БИНЕВИЧ

ЛЕНИНГРАД

ТОЛСТОЙ И КАРИКАТУРИСТЫ

Лилипуты зашевелились. Они собираются чествовать великана («Юмористический альманах». 1903, № 19).

М. Михайлов. «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» («Шут». 1903, № 34).

Мода на русское во Франции («Карикатура». 1888).

частью известный вдохновитель и основатель различных черносотенных организаций, в том числе реакционнейшего «Союза Михаила Архангела», смотрит на громадного Толстого, «в упор его не видит» и говорит: «Мы, государственные люди, слишком заняты для пустяков». «Лев Николаевич все это время был опасно болен. Он очень страдал от приговоров и толков об этом юбилее, — пишет А. Б. Гольденвейзер. — Довели Льва Николаевича до того, что он в газетах заявил о просьбе своей не устраивать никакого юбилея». Письмо Толстой написал 25 марта, но не отдал в га-

всей черносотенной прессой. «Тебя давно ждет виселица», «еретиков нужно убивать», — писали ему разъяренные поборники церкви и престола.

Художник «Шута» (возможно — М. Михайлов) изобразил толпу этих «пошехонцев», которая всеми имеющимися у них средствами старается укрыться от лучей солнца — Толстого.

Но приходили в Ясную Поляну и совсем иные письма. «Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, что в лице Вашем национального гения, великого

«Лит. Россия», 1948, 19 июля